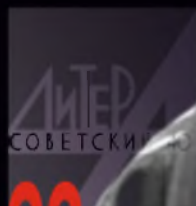


силовиков
человечий
рай

всегда
реально рад
перезнакомиться
с хорошим
человеком.

[Handwritten signature]



кемерово
октябрь
2021



... Себя я поэтом, наверное, не считаю. Но могу однозначно сказать: я считаю себя человеком, который в стихах – большей частью в чужих – находит максимум того эстетического удовлетворения, которое в этой жизни можно найти. Как ни в чём другом – именно в стихах. Это касается и собственного стихотворчества – ничего лучшего в этой жизни не знаю, чем сам момент писания...

... Когда пишешь стихи, ты себя полностью теряешь. Любой творческий момент – это как виртуальная реальность: ты из этого мира уходишь, забываешь, что у тебя руки-ноги есть, и превращаешься в какое-то чувствилище...

... У меня есть своя формула того, что есть вдохновение. Чтобы писать стихи, нужны следующие вещи: нужно быть трезвым, нужно иметь ручку или карандаш и бумагу, нужно выпить две или три чашки хорошего чая... и закурить сигарету. Больше ничего не надо. Абсолютно! Ни счастья – ни несчастья...

... Белая бумага требует, чтобы с неё, на ней что-то началось. А как только что-то началось, оно требует продолжения. И совсем не понятно, что будет продолжаться, и чем это всё закончится...

... То, что происходит здесь в комнате, когда я в кресле сижу с ручкой, с карандашом, с бумагой, – это не имеет никакого отношения к тому, что происходит где-то там – за окном, в городе, в Москве, в Нью-Йорке... Ницше говорил: «Я не люблю людей, которые зажигаются о чужие книги, как спички о коробок». А я – только так. Именно от книг. У меня – никогда от законной жизни...

РУСЛАН СИДОРОВ

РАЙ ЧЕЛОВЕЧИЙ

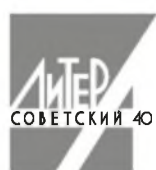
С Т И Х И



ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
**ФОНДА
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ**



Кемерово
2021



МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

Катали в песочнице грузовички.
Ударили совочком. Плакал.
Пинал воспитательницу. Порвал носки.
Поставили в угол. Не ругался папа.

Убегал из дому.
С сеткой консервов блуждал в гаражах.
Хотелось украсть лодку.
Нашёл, но не смог дотолкать.
Не сбежал.
Было жаль. Провиант слопал.

Влюбился по уши в косы и в нос
в конопушках.
Толкал в спину.
Ввиду малого роста так и не дорос
до взаимности.
Как её – Лена? Лина?..

Любил, задавая вопросы, смущать.
Коронка: «Откуда берутся дети?»
А потом как-то вдруг научился читать ...

и с тех пор жил один на своей планете.

* * *

Можно стать тише, тише, ещё потише –
шёпотом пыльной травы, листвы, ты слышишь?

Это ж июль. Жара. Солнце льётся, льётся.
Разве что два ведра, вытащенных с колодца

вынудят вскрикнуть. Но вновь наступает тихо.
Точно в немом кино: блёсткая гладь, пловчиха,

ива, носки, трусы, взвешенные на ветках,
тапочки, в них часы и ключи. И ветра

можно прождать всю жизнь. Лень доходить до глади.
Перевернись. Лежи. Подушкою – лист тетради.

* * *

У подорожника – чёрный стержень.
Что это значит? – что время вышло,
что у реки закалился стрежень,
что по ночам больше звёзд под крышей ...

Значит, что август камзол примерил:
впору пришёлся, нашёл красивым, –
дело за золотом позумента,
злато-червонным, за жёлто-синей

поверху оторочкой. Франту
щедро дано выбирать в витринах:
леса сияющие караты
рос в паутинах, звёзд в паутинах...

Лето прошло. Начинался август,
месяц груздей – точно мысли – чёрных.
Выйди во двор, посиди на лавке,
где «Р+Λ...» – результат зачёркнут...

Вот прилетают скворцы – всё видят.
А улетают? Когда? Кто знает?
Вечер и ветер – накинем свитер.
...Тот результат был неравен с нами.

* * *

Шурша полдневной пустотой
предсмертья октября в берёзах,
улав – на землю, как на стол,
(смеркает) наступают слёзы –
октябрь, стянутый стихом,
в метафору некрофилии.
Того ли ждали от земли и
неба осень, звёзды, холм?
И злая обнажённость дня,
и неба доброе бесстыдство,
и рифмы, что по мне звонят,
по мне – так не по-монастырски.

* * *

Снег идёт, потихоньку идёт, и день
потихоньку проходит. Часы везде
равномерны, но своенравный стук
сердца мерит мирным свою версту.

Из надмирья сыплет песком воды.
Там свои счета, здесь свои следы –
бело-рваной нитью прошита связь.
В непрожитой этой никто не свят –

по снегам ходить, по воде писать.
Ничего нельзя никому сказать,
что бы было правдой наверняка ...
Снег идёт, как шёл до того века.

* * *

Из нас собрали батальон,
мне дали старый «ундервуд»,
шинель без ромбов и погон –
таких давно уже не шьют.

Мы прошагали на перрон,
оркестр сыграл нам бодрый туш,
и юный ротмистр Бальмонт
нёс романтическую чушь.

И мы заполнили вагон,
и «брехунок» оповестил,
что поезд на Парнасский фронт
отходит с третьего пути.

Ходили кружки по рукам,
и пахло в тамбуре травой.
Седой полковник Мандельштам
молчал нам о передовой...

Прошли года, а не война,
кто вышел в чине, кто погиб,
а кто сказал: «анахмнена», –
и от своих побёг к другим.

Передовая, тишина...
Парнасский фронт ночами тих,

и поседевший старшина
в хрущёвке тесной пишет стих.

Он собирает свой призыв
в опавших памяти листах.
Не удержав хмельной слезы,
строфу он составляет так:

«Из нас собрали батальон,
мне дали старый «ундервуд»,
шинель без ромбов и погон –
таких давно уже не шьют...»

* * *

Уйду в тайгу. Уйду в тайгу.
Уйду, когда настанет лето.
Процеженным сквозь хвою светом
умоюсь в травяном логу.

Алмазы утренней росы
босыми соберу ногами.
Бедняк, кто в шлёпанцах шагает.
Тот, кто богат, идёт босым.

Хрусталь стремительный – вода –
упругой одарит прохладой.
Мне лживой женщины не надо,
жена – река – верна всегда.

Разбавит вечер костерок.
Уже поставлена палатка.
Уже уши покусал сладкой,
песком почистил котелок.

Бесшумно падает звезда.
Желание не загадаю.
Зачем? И так не обладаю,
чем обладать хотел всегда ...

Перетерплю, перемогу,
перенесу и то, и это.
И только лишь настанет лето,
уйду в тайгу. Уйду в тайгу.

* * *

Может быть, чтобы приблизить небо,
нужно вначале прижаться к земле,
влюбиться в земное, слиться с земным.
Может быть, чтобы приблизить небо,
нужно слиться с землею, раствориться в земле.

Может быть, чтобы увидеть землю,
нужно долго-предолго смотреть в небеса,
взмыть и плыть в небесах.
Может быть, чтобы приблизить землю,
нужно жить в небесах.

* * *

Есть в слове «надо» – ад, а в слове «нужно» – ужас.
Стоят по жизни Сциллой и Харибдой,
и с возрастом проход всё уже, уже...
Уже они сияющей харизмой
спят мозги. Не в радость – только – «надо»,
неможется – но – «нужно» – и давай.
И ужас жизни перед этим адом
косой нарежет смерти каравай.

* * *

Май. Сумерки. Цветёт рябина...
Сквозь тополиную листву
вечерний луч к окну пробился
и впился в стену. На траву
летят, ещё едва заметны,
пушинки тополей, и луч
окрашивает красным цветом
при встрече каждую. В углу –
проекционная картина –
обоина бесцветна, но
кольцо Ньютона паутина
разрисовала полотно.

Луч, умирая, усложнился
и разложился, но не так,
как человек, который жил и
закончил, до смерти устав.

* * *

«Я – это то, чем я был», – говорил старик.

«Я – это то, чем я стану», – сказал пацан.

А я и не знал: а мне-то что говорить?

Я пиво пил и шелушил ельца.

Что впереди – ничто, позади – ничто.

Что в настоящем: лето, тепло и Я.

И этот старик-иудей с детским лицом,

И этот пацан, что так по-взрослому пьян.

СВЯТАЯ СЛЕПОТА

Дождь косой, ослепши, падал с неба,
шёл в июнь черемуховым снегом,
и пацан босой по лужам шлёпал,
слушая, о чём шумели клёны.

Клёны говорили – он не верил.
Клёны уверяли – он смеялся.
Потому что день был спел и светел.
Снег был бел и небо было ясно.

Было ясно: будет всё красиво,
как сирень, умытая июнем,
как подсолнух Солнца над Россией,
как его безудержная юность.

Шёл с душой пацан и не боялся.
Клёны говорили – он смеялся.
Клёны уверяли – он не верил –
про петлю в каком-то «Англетере».

* * *

Это место нашего с тобой... детства(?),
моего и твоего детства.
Время, от которого некуда деться,
здесь предаётся бездействию.

Ничего не изменилось. Тот же ручей, тот же камень,
тот же гаммарус в ручье... Река лишь
чуть обмелела, но ясно, что это
следствие слишком сухого лета.

Клёкот кобчика взвился и оборвался,
запад прячется в розовой вате,
а ветер рвёт одеяло с неба
и приносит запах домашнего хлеба.

Хлеб, молоко и мёд и... Не знали о Шелтоне
в ту пору, в эти места зашедшие,
а вернее, заплывшие, – как не знали
об абортах, запоях, изменах, смертях, безнаде...

И в этом незнание была чистота и сила,
что теперь потрачены временем,
всем, что было...

Спальник стелю на пихтах, там, где они стелили.
Где думали, что любили,
и, как теперь ясно, – любили.

РАЙ ЧЕЛОВЕЧИЙ

Запах прохлады и рыбы,
зелень хвои и синицы,
и отражённая глыбень
тверди в зеркальной странице:

озеро – как по лекалу –
правильный эллипс – случайность?
Тот берег – скудные скалы,
этот – сосняк и песчаник.

Десять шагов от палатки –
лес, наступают маслята.
Густо, душисто и сладко
от земляничной поляны.

Полдень и лень. На песочке,
под душегреющим рондо
мысль о курортностях Сочи
кажется просто порочной.

Рай и один, – лещик плещет,
скалы молчат, сердце бьётся...
Дорог мне рай человеческий,
ибо на время даётся.

* * *

Пилит двуручной один, что-то лопочет,
то ли молитвы, а может, и матерится.
Важно гуляет рыжий бесстыжий кочет
и не стесняется, если захочет. И злится.

Пилит сосну; двуручной; один; однорукий.
– Дай помогу, – ещё раз.
– Да цыть ты! Подь в избу.
Солнышко рыжее. Злой кочет (глаз круглый).
Клюнет, поди. Хворостину потолшше выбрать.

В сенках прохладно. Попил молока с банки.
Кот сидит. Налил коту. «Пей, кота».
С кухни – вкусно – жарит драники баба.
Я их люблю. Мне хорошо. Мне три года.

* * *

«Научиться бы жить», –
думал мальчик – учился на тройки,
а вчерашние сверстники
с лёгкостью делали старше.

Ночь. Настольная лампа.
Он учит уроки.
Смотрит в звёздное небо.
Молчит. И готовится к старту.

* * *

Как медленно падают листья,
как долго не гаснет закат,
рисуя узоры на лицах,
нависших над омутом скал.

Суровые брови разломов
и мрачная трещина рта,
и пахнет смолою сосновой
предсмертная дня красота.

Индейское лето к излёту,
как жизнь, безысходно летит.
Язвительный кобчика клёкот
разрежет вечернюю тишь ...

* * *

Не спится... Устал, а смотри-ка, не спится,
ко мне на окно прилетела синица
и постучала «тук-тук» в подоконник.
Я в доме один. И мне беспокойно.

Койкою пол. Простыня – перина.
Дом погасившей огни субмариной
в ночь погружается. Ночь бездонна.
Светится звёздный планктон над домом.

Ночь. Камбалиной сонаты звуки,
триоли, желтофиоли, глюки, –
сквозь иллюминатор – минорней, тише
и глуше... и глубже... игла... не слышу...

* * *

В чем смысл жизни – не очень сложный вопрос.
Ухаживать за могилами предков, растить детей,
умножать, складывать, просто хранить добро,
что осталось в наследство, и сам осветил в темноте,

готовить ужин, на всю семью плюс одного
всегда возможного странника, что заглянет на свет
и если нет веры, учиться верить в Него.
В тот самый жизненный смысл, которого нет.

* * *

Ниоткуда пришедший на эту землю
и готовый уйти навсегда отсюда,
я приемаю всё, но лишь небу внемлю,
потому что я знаю, что я там буду.

* * *

*Только море способно взглянуть
в лицо небу.*

Иосиф Бродский

Я на коне не скакал ни разу.
Не водил мотоцикла, автомобиля.
И, хотя были приятны глазу
горы, не с теми, кто восходил, я.

И только реки меня носили,
нам по пути: сверху вниз стекали.
Уж сколько силы у рек России –
а вниз, что поделать – судьба такая.

Кому-то кони, автомобили,
кому-то горные эмпиреи,
кому-то счастливое: «Жили-были ...»

А мне бы морем стать поскорее.

* * *

1

Осень. Окончанье октября.
Кажется, последний день без снега.
Злым щенком чернеет нёбо неба,
и в рубин – закатная заря.

Сытые и тучные стада
неовец навеивает вечер.
Севереет. Я сижу у речки,
и плотает камушки вода.

2

Со строгостью монастыря
лес убран: беден и прекрасен.
В осиновом иконостасе
краснеют стигмы октября.

Неслышное моё «прости».
Всем. Одному. Одной. И небу
мой внятен стих. И горя нету,
и горсточка рябин в горсти.

3

Октябрь. Позавчера Покров,
а снега с неба не упало,
и рябчик слизывал по капле
рябиновую кровь.

Тепло. По-летнему тепло.
Лес – словно терем после вора.
Стекло реки под небосводом
до льда недалежного текло...

4

Гляделись в реку синева
и красным писанные листья.
Октябрь. Бабья осень. Тишина.

Уже дописана глава.
Чернильные следы на лицах
грядущих туч. И бабья осень сочтена.

Но мы последние деньки
досмотрим солнечного света.
Октябрь неожиданно красив...

Костры у розовой реки,
и вялятся на голых ветках
червонные тугие караси.

5

Лезвие дождя наискосок
полоснуло холодом по горлу.
Осень полыхнула по пригорку,
догорает под дождём лесок.
Олово реки – виолончель.
В перекатах льдистым пиццикато
катится, царапая о камень
амальгамой солнечной, ручей.

Холодно в болотных сапогах...
Обжигает, убегая, леска...
Из-за мрачно-тучной занавески –

первый снег... И к ноябрю – снега.

* * *

Тот, кто любит, тот не любим,
тот, кого любят, любить не может...
Чем мать нежнее, тем строже сын,
чем ласковей дочь, тем отец строже.

Где плюс, там минус. Ноль результат.
Кто верит свято, отвержен Богом.
И мне понятно, почему так
людей несчастливых на свете много.

* * *

Время сыплет песок и течёт рекой.
Все – сказуемо! С этого стоит начать.
И продолжить молчанием и строкой,
точной, как точка. Вместить в сейчас.

Скрипи, перо, и скрепляй слова –
чернильные сгустки в бумаге лист.
Слово, которое было сперва,
магию длить велит.

* * *

Идѣшь, собачий лай минуя.
В лицо кусается зима.
И одесную, и ошую –
одноочитые дома.

Темно. И вкусно пахнет снегом,
негородским и молодым.
Из труб, искрясь, уходит в небо,
как детство, первобытный дым.

Днём скудно. Ночью слух и запах
славянофильствуют, служа
воображению, и запад
зарезан месяцем ножа.

Земля Сибири – не Рассея,
но небо общее, прикинь! –
ведь это Клюев и Есенин
швыряют с Млечного «снежки».

Попали. Воротник от снега
отряхиваю и, смешок
в душе упрятавши, «снежок»,
как детство, возвращаю в небо.

* * *

Хочу, чтобы – лето сейчас
и столик в саду – меж сиреней,
и ты бы варила варенье,
а я бы заваривал чай.

И пчёлка б жужжала пускай
над чашкою розовых пенек,
а в небе уже постепенно
пунцовил закат облака,

коровы бы шли по домам
с парною и вкусною ношею...
Чего бы ещё-то хорошего?
А нечего больше.

Зима.

* * *

Нас пустила бабушка на постой.
Разложила парами по углам.
Сколько лет прошло? Тридцать? Сто?
Я не помню. Но помню, что – тыбыла.

Тыбыла – это слово. Его создав,
Творец увидел, что – хорошо.
Тыбыла – в сене. Тыбыла – звезда.
В косном горле комом застрял стишок.

Не люблю эпитетов: тыбыла.
Сущим существительным: тыбыла.
Наречённой собственной: тыбыла.
Я имею право иметь крыла.

* * *

Телесен вечер тесных тёплых встреч
скворцов с землёй, земли с зерном и небом.
И ласкова вокруг родная речь,
и хлебный квас – кислинкою по нёбу,

и всё... «И всё? Ради такого жить?»
«А разве мало?» – и ладонь на губы...
Багрово-красной нитью вечер шит
так... нежно... нежно-нежно... нежно-грубо...

* * *

Небо, нарисованное кошкой.
Месяц май. Деревней пахнет лес.
В тишь играет за рекой гармошка –
рассказать про счастье на Земле.

По ночам уставшая природа
шебуршит, шевелится, жужжит,
и земля, устав от хлебобобов,
мягкая и влажная лежит.

Отдыхает глаз от злобы света
в камышах, чернеющих в росе,
где с икрой играют до рассвета
свадебные пары карасей.

И простая истина забьётся
рыбой на невидимой лесе –
надо верить. Всё опять вернётся.
Всё вернётся, и вернутся все.

* * *

Сирень сизокрыла, и семь голубей –
как крупные гроздья под ней понарошку
щекотно клевали от булочки крошки
с ладони моей и ладошки твоей –

с той розовой, ласковой, узкой ладошки,
которую только что дождь целовал.
Неделя для счастья – достаточно долго,
особенно если живёшь однова.

Тебе было только шестнадцать тогда:
недетская женственность, опытность крови.
И ночь, разметавши, срывала покровы,
и снова взрывалась сверхновой звезда.

Семь дней, семь ночей и четырнадцать зорь –
лазоревых зорь сизокрылой сирени.
Неделя для счастья светлей и воскресней
бракованных лет, обручённых слезой.

Сирень сизокрыла, и семь голубей
щекотно склевали от булочки крошки,
и плыли по лету в плену тополей
в ладони – ладонь.
Нет – в ладони ладошка.

* * *

Дружить с цветами, кошками... Любить
прохладу неглубокого распада,
где родничок, свой срок в нутре избыв,
рождается на свет без боли схваток...

Быть равным птице, что гнездо совьёт
старательно, ненадолго, и дальше
по жизни продолжает свой полёт,
не памятуя то, что покидает...

Подолгу глядя в реку и в огонь,
в текучесть – первообраз постоянства,
немного догадаться о Другой,
и ничего большого не бояться.

* * *

Импрессия сирени. Утро. Сад
весь в кляксах фиолетовых. И солнце
заполнило собою небеса,
рассеявшись сквозь синие высоты.

Мух изумрудных свадебный полёт.
Латунные летуны – за нектаром.
Вечногундосый толстячок шмелёк
взыскует истины на донце стеклотары.

Цветы, цветы, цветы... Цвета и свет.
И не поймёшь, какой сегодня возраст.
Здесь – всё равно – в сиреневой траве.
Там – на горе – равны кресты и звёзды.

Пусть спеет утро, наливаясь днём,
шмелёк – вином, что твой раблезианец.
И я лежу, счастливейший из пьяниц,
мир посетивший, чтобы спеть о нём.

БЕЗ УМА

Я лягу на солнце и буду лежать
и слушать, как травы от ветра дрожат,
как жар остужать будет ветер.

Я глаз не открою, услышу и так,
что это кузнечик чирикает в такт
шуршанию крови по вене

травы луговой и Земли круговой
и сродственной той голубой локтевой,
возвратной к рабочему сердцу.

Услышу, как вянет на солнце трава,
и ветер навеет простые слова –
что смерть пахнет клеверным сенцем...

Что песня кузнечика – солнечный туш
и нежному клеверу – траурный марш.

Бессмертно и ветрено пение душ.
И горя мне нет
без ума.

* * *

В краю апостольства задумчивых берёз,
у озера, поросшего рогозом,
глазеть на фиолетовых стрекоз
и поплавок. И ничего другого

не замечать в рассветный час. Часы
оставлены в оставленной квартире.
Здесь – запах ряски. Поплавок косым...
Подсечка... оба-на! – почти четыре

десятка «поросятков» карасей
легло в ведро. Ну и довольно, братцы.
И – босиком по розовой росе –
идет босяк, насвистывая Брамса.

Как хорошо перенестись назад
в четырнадцатилетие и лето,
вновь пережить блаженство и азарт
и записать, как пережил всё это.

ОДА ДАЧЕ

Июльским утром выйдешь на крыльцо.
Хоть солнце рыже, но еще свежо, и
искрится диамантовой росой
смарагдом густо-налитый крыжовник.

На босу ногу кеды и – бегом
под лай собак соседских до обрыва,
где омут с родниковым кипятком
смывает сон и делает счастливым.

И – в плеск до плёса, где тепла вода,
и буйство крови в мускулах упругих,
и крошат реку кролем крылья-руки,
и нету сил со счастьем совладать.

* * *

Можно стать тише, тише, ещё потише –
шёпотом пыльной травы, листвы, ты слышишь?

Это ж июль. Жара. Солнце льётся, льётся.
Разве что два ведра, вытащенных с колодца

вынудят вскрикнуть. Но вновь наступает тихо.
Точно в немом кино: блёсткая гладь, пловчиха,

ива, носки, трусы, взвешенные на ветках,
тапочки, в них часы и ключи. И ветра

можно прождать всю жизнь. Леню доходить до глади.
Перевернись. Лежи. Подушкою – лист тетради.

* * *

В Сибири. Летом. Жарко. Ты – лежишь.
Река – бежит. Тайга – стоит. Погода –
безоблачна. Безлюдно. Ни души.
Бесчеловечно царствует природа.

Здесь ты – весёлый раб. Ты червь песка.
Малёк воды. Молекула блаженства.
Сознания беззвучность. Из движенья –
лишь жилка голубая вкривь виска.
Лишь крылышки дневного мотылька.

* * *

По синему лугу сквозь млечный туман
чернела тропа до пруда,
где Таня сводила соседа с ума,
купаясь одна без стыда.

Взлетала уклейка над лунной водой,
вздыхал краснотал в небеса.
Не свёрстано сено в стога за прудом,
и клевером пахнет коса

* * *

Солнечное масло облаков
мажет акварель небесной сини.
Воздух густ, и ветер обессилен.
Озеро – парное молоко.

Низовой, тягучий мык быка.
Выстрелы бича. Жужжанье мухи.
Муравей субботний тащит мусор.
Гул товарняка издалека.

Лень, июль, каникулы, жара,
треуголка из газеты «Уголь».
Жаркие находчивые губы –
всё знакомо: родинка и шрам.

ИЮЛЬ

На даче. Лето. А.П.Чехов.
Всё точно, как сто лет назад.
И городскому здесь помехой
ограда, огород и сад.

И ловят бабочек детишки,
и загорают три сестры,
мужчины раздают картишки
и чертят «пулю» для игры.

Грибами жареными пахнет
укропом окроплённый пар.
К столу! По сто. Заесть. Упали
все беды прошлого, пропав

там, за высокими горами,
там, за глубокими долами.
А здесь рыбалка по утрам и
здесь никаких проблем с делами.

Вот так мечтается порою
ночной бессонною порою
и так захочется, не скрою,
чтоб кто-нибудь...
Нет, чтобы ты...

ДЕЖА ВЮ

Там, где в траве лежал велосипед, –
скамейка: два пенька, доска меж ними ...
где паровоз классический сипел
и проносился мимо в млечном дыме,

где сросся со скворешней старый клён,
опавший осенью, поздней – заледенелый,
где думал, что влюблён (и был влюблён),
где снег ложился белый, белый-белый ...

Там всё по-прежнему: лежит велосипед,
под клёном двое мнутя неумело,
скворешни с паровозом только нет,
и белый-белый снег – небелый.

* * *

Как повеет под вечер полынью духмяной,
остывая от ржавой жары,
синий вечер от речки и перечной мяты,
под сурдинку нудят комары.

Хорошо, босиком огородной тропинкой
(полотенце и веник с собой)
пробираясь к соседке, чтоб баньку стопила,
рифмовать на предбанник любовь.

Будет ночь (самогон и с прослойками сало,
малосольные огурцы).
нежным словом не больно до сердца касаться,
как ромашкой к подошвам босым.

СЕЛЬСКИЙ ДЗЕН

Куруется, жмурится, спит на ходу, т.е. стоя
столик под яблоней, пчёлка нестрашно гудит.
Я и Судзуки, пиала с пахучим настоем,
котёнок, глядящий на бабочку, в общем, – буддизм.

Город – вонючий – плевать мне, что непоэтично.
«Лучше там, где нас нет» – то, что это враньё,
сидя на яблоне, спела мне только что птичка,
и самовар на веранде об этом поёт.

Утром ходил на рыбалку, а днём за грибами.
С грибами – облом, а карасей наловил.
Соседская Таня на ужин нажарит в сметане –
будет прилично, и повод зайти для любви.

Коровы бредут по домам, утомлённые солнцем.
Вечернее вымя символизирует жизнь.
Природа буддизма – природа. Все мы спасёмся.
Я просто сижу, а Судзуки – просто лежит.

Ранние сумерки с баннным дымком и смородиной.
Чую: у Тани в сметане скворчат караси.
Встать и идти огородами маленькой родины.
С Родиной мне повезло: подгадал – на Руси.

* * *

Ах, зачем слишком громко стрекозы шуршат в камышах.
Мандельштам про стрекоз рассказал – испугалась душа.

Лучше, твёрдых кузнечиков стрёкот заслышав, узнать,
что ещё засидишься не раз у реки допоздна.

Лучше листьев травы только ласточки и небеса
научают живых – неживых различать голоса.

Приучают в молчании слышать неслышимость лишь
потайных небес и сердечную здешность земли.

* * *

Всю ночь курил и тихо матерился,
бросая недочитанный журнал,
чтоб осушить глаза. И начинал,
точнее, продолжал. Супец варился.

По-русски. В русской печке. Сам собой.
Всё закидал. Поставил. Утром кушай.
Роман же продолжался. Про любовь,
про нас с тобою. Будто кто подслушал.

Как будто кто со свечкой подсмотрел.
Как будто в душу кто залез и вынул
занадки все (ну хоть бы половину!).
Всю ночь горел, как шапка на воре.

Всю ночь курил, сквозь зубы матерясь.
Роман же хэппи-эндом завершился.
Ну, слава богу! Это не про нас.
Супец готов. Наваристый, душистый.

* * *

Как небо глубоко и как голубооко.
Как локон облака растрёпан, одинокий.
В высоком голубом – знакомый голубь.
Он дорог глазу до слезы, до спазма.
В такие дни легко пустует память,
и даже глупость нет ума подумать,
но только пить глазами это небо,
что глубоко и в ночь голубооко.

* * *

Я не видел Альп и Гималаев,
Каракум не видел и Сахары.
Под окном моя цепная лает –
просит белый сахарный сухарик.

За оградой банька с огородом,
под которым пряткая речушка.
Не гулял я Римом благородным
и французской кухни не расчуhal.

Не купался в Средиземном море,
слышал звон: Гавайи и Багамы.
Червячка сморивши «Беломором»,
научался нищим жить богато.

Для чего так жить? – Ответа нету.
Книжный шкаф – Вергилий и Сусанин –
в ночь ведёт меня по белу свету
и от света чёрного спасает.

* * *

Живу в предбаннике, меж книжек. Жизнь – по мне.
При мне топчаш, со мною чай и чайник,
и по ночам царапины спине
на память дарит веник, измочалясь

во исступлении. И наступает сон,
в нем – пережитый день: берёзы, грузди
и облака, летящие в воде,
на север убегавшей. Сны в руку.

Покуда не замёрз ещё сентябрь...
Ещё фортуны виден полупрофиль...
И бабочка лимонная в гостях
на баночке с повидлом и напротив.

* * *

Холодая голубизна,
чья глубь всегдашняя без дна.
И локон, что лишь сдунешь, – снова,
ладонь, что лист осенний ждёт,
и дождь, когда она идёт
с работы в среду в полшестого,
и лёгкое дыханье, и ...
Уже достаточно двоим
припомнить реку и рябину,
бой с ветром, сердца перебой,
ещё, ещё... и перебор,
и рифма сложная – мы были.

СОДЕРЖАНИЕ

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ	3
«Можно стать тише, тише, ещё потише ...»	4
«У подорожника – чёрный стержень...»	5
«Шурша полдневной пустотой...»	6
«Снег идёт, потихоньку идёт, и день...»	7
«Из нас собрали батальон...»	8
«Уйду в тайгу. Уйду в тайгу...»	10
«Может быть, чтобы приблизить небо...»	12
«Есть в слове «надо» – ад...»	13
«Май. Сумерки. Цветёт рябина...»	14
««Я – это то, чем я был», – говорил старик...»	15
СВЯТАЯ СЛЕПОТА	16
«Это место нашего с тобой... детства(?)...»	17
РАЙ ЧЕЛОВЕЧИЙ	18
«Пилит двуручной один, что-то лопочет...»	19
««Научиться бы жить»...»	20
«Как медленно падают листья...»	21
«Не спится... Устал, а смотри-ка, не спится...»	22
«В чем смысл жизни...»	23
«Ниоткуда пришедший на эту землю... »	24
«Я на коне не скакал ни разу...»	25
«Осень. Окончанье октября...»	26
«Тот, кто любит, тот не любим...»	29

«Время сыплет песок и течёт рекой...»	30
«Идёшь, собачий лай минуя...»	31
«Хочу, чтобы – лето сейчас...»	32
«Нас пустила бабушка на постой...»	33
«Телесен вечер тесных тёплых встреч...»	34
«Небо, нарисованное кошкой...»	35
«Сирень сизокрыла, и семь голубей...»	36
«Дружить с цветами, кошками... Любить...»	37
«Импрессия сирени. Утро. Сад...»	38
БЕЗ УМА	39
«В краю апостольства задумчивых берёз...»	40
ОДА ДАЧЕ	41
«Можно стать тише, тише, ещё потише...»	42
«В Сибири. Летом. Жарко. Ты – лежишь...»	43
«По синему дугу сквозь млечный туман...»	44
«Солнечное масло облаков...»	45
ИЮЛЬ	46
ДЕЖА ВЮ	47
«Как повеет под вечер полынью духмяной...»	48
СЕЛЬСКИЙ ДЗЕН	49
«Ах, зачем слишком громко стрекозы...»	50
«Всю ночь курил и тихо матерился...»	51
«Как небо глубоко и как голубооко...»	52
«Я не видел Альп и Гималаев...»	53
«Живу в предбаннике, меж книжек...»	54
«Холодая голубизна...»	55

ДК 821
ББК 84.3Р7
С-34

Сидоров Р.

С - 34 Рай человеческий. Сидоров Руслан Геннадьевич. –
Кемерово: АНО «Творческая мастерская “А3”»,
2021. – 58 с.

16+

СЕРИЯ: «БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА ПОЭЗИИ “ПОСЛЕ 12”»

Редактор: Ибрагимова Н. Г.
Дизайн, вёрстка: Торошин А. Г.

Публикация стихов по книге Руслана Сидорова «Рай человеческий»
Составитель: Сергей Ерофеев. Кемерово 2020.
ISBN - 978-5-6042637-0-9

© АНО «Творческая мастерская “А3”», 2021

Подписано в печать 21.10.2021. Тираж 50 экз.
Отпечатано в типографии ГАУК «Кузбасский центр искусств».
650000, г. Кемерово, ул. Дзержинского, 6.
Тел. (3842) 75-07-88

Р У С Л А Н С И Д О Р О В

Сидоров Руслан Геннадьевич (1968, Новокузнецк – 2013, Калачево) – русский сибирский поэт, литературовед, педагог. Участник литературного объединения «Мастер-круг». Автор циклов лекций о творчестве Ф.М. Достоевского и И.А. Бродского, трех поэтических сборников: «Не именуя» (1998 г.), «Второе дыхание» (2006 г.), «Смотритель маяка» (2010 г.). В 2011 году стал победителем поэтического марафона первого форума поэтов Кузбасса «Во весь голос» (г. Кемерово). Стихи опубликованы в журналах «После 12», «День и ночь», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», альманахах «Кузнецкая крепость» и НЛА. Изданы две книги избранных произведений: «Бегущий навстречу солнцу» (Новокузнецк, 2014 г.) и «Рай человеческий» (Кемерово, 2020 г.). В 2020 году авторские лекции Р. Сидорова вошли в сборник «Слово о Достоевском» (издание НФИ ФГБОУ ВО Кемеровский государственный университет).



ФриАрт

РАЙ ЧЕЛОВЕЧИЙ

Стихи Руслана Сидорова
(1968 - 2013)

Музыкальная импровизация:
Роман Столяр

Художественный руководитель:
Наталья Ибрагимова

Художник по свету:
Сергей Коваленко

Режиссеры, исполнители:
Дарья Иванова, Алиса Зелинская

ЦВЕТ КРАСНЫЙ



Роман СТОЛЯР

– композитор, пианист-импровизатор, активный пропагандист импровизационной музыки, педагог и музыкальный журналист.

Родился 6 декабря 1967 г. в Новосибирске, в семье инженеров. Учился в Новосибирском электротехническом институте, на эстрадном отделении Новосибирского музыкального колледжа, на факультете

композиции Новосибирской консерватории.

Как исполнитель и автор музыки Роман Столяр участвовал в новоджазовых проектах «NEW GENERATION», «ALTER EGO», «SHANT» и «TRIGRAFICA», выступал в дуэте с саксофонистом Леонидом Сендерским (Санкт-Петербург) и с импровизационным трио «DOTS & LINES». Сотрудничал с известными российскими и зарубежными импровизаторами. Принимал участие в фестивалях и концертах новоджазовой, импровизационной и новой академической музыки 20 странах мира, включая США, Японию, Китай и страны Западной Европы. Проводил мастер-классы по импровизации и современной композиции в Калифорнийском институте искусств, Мичиганском университете, Новой школе классической музыки в Нью-Йорке, Консерватории Фрескобальди в Ферраре (Италия), Версальской консерватории, музыкальной школе Шато д'Э и музыкальной академии Базеля (Швейцария), консерваториях Кишинёва и Алма-Аты, в музыкальных учебных заведениях Тольятти, Казани, Норильска, консерваториях Москвы и Санкт-Петербурга.

Роман – член Союза композиторов России и Международной ассоциации джазовых школ, почетный член Международного общества импровизационной музыки.

Играет на саксофонах (от сопранино до баритона), бас-кларнете, флейтах, духовых синтезаторах и MIDI-контроллерах.

Живет в Санкт-Петербурге.